ни колхозного крестьянства, каким является общественный труд. Нельзя увлекаться изучением колхозной экономики (а такое увлечение было), но и недопустимо изучать народную жизнь без того, чем в первую очередь живет народ, без вдохновенного труда, направленного на построение коммунистического общества. Найти формы изучения народной жизни в ее органической связи с общественным трудом, и вот над этим должны думать и работать советские этнографы. А об этом П. И. Кушнер не говорит и, по существу, снимает этот вопрос.

Речь идет не об изучении колхозной экономики как таковой — для этого мы не обладаем необходимыми данными,— а о том, что без серьезного и повседневного внимания к общественному труду нельзя правильно оценить и понять ни одного явления народной жизни. Поэтому П. И. Кушнер совершает ошибку, делая резкий крен в сторону изучения только бытовых явлений, упуская неразрывную связь этих явлений с процессами общественного труда и производства. Такая постановка вопроса может привести к голому «бытовизму», а такой «бытовизм», на наш взгляд, был бы шагом назад.

Мне, как и другим товарищам, представляется, что П. И. Кушнер заблуждается и тогда, когда он одну из главных причин ошибок этнографов видит в том, что они изучали колхоз, а не населенный пункт. «Крестьянство,— пишет автор,— которое изучает этнограф, живет не в колхозах, а в населенных пунктах...» [7] Но ведь и колхозы находятся не в безвоздушном пространстве, да и сам автор не назовет этнографа, который изучал бы колхоз только как хозяйственную организацию. Как выход из своеобразного тупика, П. И. Кушнер предлагает перейти к изучению села или группы населенных пунктов. В этом предложении есть свои полезные стороны, и они должны быть учтены, но было бы наивно полагать, что выбор в качестве объекта изучения не колхоза, а села, принципиально и по существу меняет дело, что этот подход способен разрешить все трудности. Мы не говорим уже о том, что практически (если исходить из реальных фактов, а не отвлеченных рассуждений) выбор в качестве объекта изучения населенного пункта ведет к новым осложнениям и трудностям.

Автору статьи, вероятно, известно, что есть укрупненные колхозы, состоящие из ряда небольших населенных пунктов, в каждом из которых живет в некоторых случаях два-три десятка семей, а иногда и того меньше. Колхозники, живущие в таком населенном пункте, в лучшем случае составляют бригаду колхоза. Ведь не такой населенный пункт имеет, повидимому, в виду П. И. Кушнер. Изучать такой населенный пункт нецелесообразно и неверно — это поведет к ошибочным выводам, поскольку изучалась бы часть единого организма-колхоза. Одновременное изучение группы населенных пунктов, составляющих один колхоз, может оказаться весьма сложным делом, поскольку в некоторых районах такие населенные пункты удалены друг от друга на значительное расстояние. С другой стороны, имеются и такие крупные населенные пункты, на территории которых расположено по нескольку колхозов и которые по количеству населения не уступают небольшим городам. Очевидно, и такой населенный пункт окажется неподходящим объектом для этнографического исследования. Нам кажется, что дело вовсе не в том, что изучать — колхоз или село, а в том, как изучать. П. И. Кушнер преувеличил значение этого вопроса. Основное внимание мы должны уделить вопросу о том, как и в каком направлении надлежит вести нашу исследовательскую работу, и в этом смысле со многими пожеланиями и соображениями, высказанными в обсуждаемой статье, можно полностью согласиться.

7 П. И. Кушнер, Указ. раб., стр. 140.